

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДНОГО ДИСКУРСА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 811.161.1'255

ИНДИКАТОРЫ ПЕРЕВОДНОГО РУССКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА: ТЕКСТОВЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Надежда Геннадьевна Кантышева¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Для контактов: n.g.kantysheva@utmn.ru

Аннотация. Исследование нацелено на выявление индикаторов переводного русскоязычного дискурса с помощью текстовых и лексических параметров на примере языковой пары русский-немецкий. Работа проводится в русле дескриптивного переводоведения и не предполагает анализа взаимодействия оригинала текста и его перевода: перевод как объект исследования не рассматривается с точки зрения эквивалентности, адекватности, переводческих соответствий и трансформаций.

Материалом исследования послужили студенческие переводы публицистических статей крупного новостного портала. Предпринята попытка выявить потенциально универсальные тенденции в переводе с точки зрения дискурсивной онтологии перевода и установить набор текстовых и лексических индикаторов для осуществления анализа. В работе делается вывод о том, что с помощью исключительно лингвистических особенностей можно выявить особые характеристики, отличающие переводы от текстов, изначально написанных на русском языке. Полученные результаты предполагается применить в области дидактики перевода.

Ключевые слова: переводной дискурс, переводческие универсалии, индикаторы перевода, дескриптивное переводоведение, корпусное переводоведение, теория коммуникации, лингвистическое моделирование, дискурсивная онтология перевода, дидактика перевода

Для цитирования: Кантышева Н.Г. Индикаторы переводного русскоязычного дискурса: текстовые и лексические параметры // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021 № 3. С. 135–149.

Статья поступила в редакцию 19.08.2021;
одобрена после рецензирования 5.09.2021;
принята к публикации 20.10.2021.

INDICATORS OF TRANSLATED RUSSIAN DISCOURSE: TEXTUAL AND LEXICAL PARAMETERS

Nadezhda G. Kantysheva¹

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russia.
For contacts: n.g.kantysheva@utmn.ru

Relevance. The study is aimed at identifying indicators of translated Russian-language discourse through the use of textual and lexical parameters in the German-Russian language combination. The work is congruent with descriptive translation studies and does not imply an analysis of the interaction between the original text and its translation: translation as an object of research is not considered in terms of equivalence, adequacy, translation correspondences and transformations.

Student translations of journalistic articles of a major news portal served as the material for the study. An attempt is made to identify potentially universal trends in translation from the point of view of the discursive ontology of translation and to establish a set of textual and lexical indicators for analysis. The paper concludes that with the help of exclusively linguistic features, it is possible to identify special characteristics that distinguish translations from texts originally written in the target language. The results can be applied in the field of translation didactics.

Keywords: translation discourse, translation universals, translation indicators, descriptive translation studies, corpus translation studies, communication theory, linguistic modeling, discursive translation ontology, translation didactics

For citation: *Kantysheva N.G.* (2021) Indicators of translated Russian discourse: textual and lexical parameters. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies.* 3. P. 135–149.

The article was submitted August 19.2021;
approved after reviewing September 05.2021;
accepted for publication October 20.2021.

Тезис о наличии у переводных текстов неких универсальных имманентных свойств, которые отличают их от текстов на языке перевода, постулируется в библиографических источниках как зарубежных, так и отечественных авторов. Предположение об универсальности языков было выдвинуто лингвистами ещё в 60-е годы XX века (N. Chomsky, J. Greenberg, M. Halliday). Однако конкретные индикаторы переводных текстов не были выявлены ввиду отсутствия объективного способа проверки на примере разных языковых пар.

Исследовательский интерес к проблеме изучения имманентных свойств перевода поддерживается и в современных работах — как зарубежных (Sh. Blum-Kulka, J. House, M. Kajzer-Wietrzny, S. Laviosa-Braithwaite, G. Toury), так и отечественных лингвистов (Т.А. Алексейцева, Е.С. Краснопева, М.А. Куниловская, Р.К. Кошкин, Л.В. Кушнина). Это обусловлено как обращением переводоведческой парадигмы к дискурсивной онтологии, в целом, так и разработкой методов корпусного подхода, в частности. Анализируя возможности интегративности методов смежных дисциплин в отечественном и зарубежном переводоведении и обобщая разные направления исследования в области перевода (с точки зрения когнитивистики, прагматики, социолингвистики, лингвокультурологии), К.И. Леонтьева рассматривает перевод как особую интердискурсивную деятельность, как коммуникативный акт, имеющий своих участников и необходимые условия прохождения этого события (Леонтьева, 2012).

Сема «особенности» переводного дискурса четко просматривается в сфере терминологической фиксации у разных авторов: язык перевода обозначается как “translationese”, “interlanguage”, “hybrid language”, “third code”, «пограничный язык», «переводческий язык», «подъязык». Ср. также дефиницию переводного дискурса Н.К. Гар-

бовского: «Продукты переводческой деятельности формируют в общем дискурсивном пространстве русской речевой культуры некий массив текстов, обладающих *особыми* свойствами, отличающими их от речевых произведений, изначально созданных на русском языке. Эта совокупность... обладающая онтологической *особенностью* вторичности, телеологической двойственности и необходимостью преодоления межъязыковой и межкультурной асимметрии, может быть определена как переводной дискурс» (Гарбовский, 2012: 130) (курсив мой — Н.К.). В связи с такой общепризнанной особенностью переводного дискурса представляется актуальным системно изучать тексты перевода именно в дискурсивном аспекте.

В отличие от фокуса контрастивной лингвистики, изучающей непосредственно язык, дискурсивное изучение перевода направлено исключительно на системное изучение явлений речи. Таким образом, можно говорить об условной дихотомии «язык переводов» / «дискурс переводов», которая является частной реализацией традиционного противопоставления «язык — речь».

Представленное нами исследование основывается на теории переводческих универсалий. Универсальные тенденции, являясь лингвистическим и когнитивным феноменом, являются давней традицией в философии языка. Под универсалиями перевода (потенциально универсальными тенденциями) М. Бейкер понимает черты, проявляющиеся в переводных, но отсутствующие в непереводных текстах, и при этом не являющиеся результатом взаимного влияния языковых систем (Baker, 1993: 243). «Независимо от исторической обусловленности, условий коммуникации, языковых комбинаций, сталкивающихся в переводе, различий прагматической ориентированности перевод как особый вид речевой деятельности позволяет обнаружить универсальные имманентные свойства» (Гарбовский, 2011: 3).

Некоторые исследователи используют в своих работах разные термины — «закономерности перевода» или «тенденции в переводческой деятельности». Как бы ни называли это явление, важной исследовательской задачей должно стать эмпирическое подтверждение / опровержение на материале других языковых пар. Хотя нужно отметить, что не всегда представляется возможным сравнить результаты изысканий, которые были проведены авторами на разном языковом материале, поскольку применялись разные методы и подходы. Исследования, проводимые на материале русского языка с использованием корпусного подхода — более редкое явление в отличие от европейских языков (Краснопеева, 2016; Kutuzov, 2014; Alekseyenko, 2013).

В целом в литературе корпусного направления переводоведения используются самые разнообразные индикаторы переводческих универсалий, однако чаще всего в фокус изучения попадают текстовые и лексические параметры. Наиболее исследованными универсалиями, которые эмпирически подтверждены на материале многих языковых пар, являются следующие:

1. Экспликация (*explication/explicitation*) — тенденция к использованию добавлений в виде слова или развертывания — см. (Fabricius-Hansen, 2002; Hansen-Schirra, 2007; Rayson, 2008).
2. Симплификация (*simplification*) — тенденция к структурному и лексическому упрощению — см. (Ilisei, 2010; Laviosa, 1998).
3. Нормализация / стандартизация (*normalization / standartization*) — тенденция тяготения к типичным чертам языка перевода в ущерб языковым особенностям оригинала — см. (Kenny, 2001; Baker, 1993).
4. Интерференция (*interference*) — тенденция к воспроизведению характерных особенностей текста оригинала — см. (Краснопеева, 2015; Kattenbusch, 1993; Mauranen, 2004; Pallier, 2001).

Недостаточная разработанность данного вопроса на языковой паре русский-немецкий обуславливает актуальность подтверждения или опровержения разработанных положений для других пар языков. Важным представляется ответить на вопрос — сможем ли мы отличить, используя исключительно лингвистические особенности, переводные публицистические тексты с немецкого языка на русский от оригинальных русскоязычных текстов данного стиля. Выборочной совокупностью нашего исследования является корпус студенческих (студенты 3 и 4 курсов направления «Лингвистика») переводов с немецкого языка на русский современных текстов крупного новостного сайта *inosmi.ru*. Особый интерес представляют синтаксические и лексические маркеры, потенциально отражающие проявление в русскоязычном переводном дискурсе переводческих универсалий.

В качестве сравнительного материала был сформирован тестовый подкорпус непереводаемых текстов на русском языке, сформированный по критерию жанровой и тематической принадлежности. В качестве важного алгоритмического шага представляется необходимость найти основные различия между подкорпусами с точки зрения их лексического и структурного наполнения. Эта задача решалась с помощью составления и сравнения частотных списков и вычисления показателя распределения лексических единиц по

документам в корпусе. Такая последовательная статистическая процедура с использованием переводоведческого и контекстуального анализа и методов лингвистического моделирования позволила выявить спектр параметров, описывающих отличия переводных текстов от непереводных.

Рассмотрим последовательно примеры, которые иллюстрируют на нашем материале названные выше переводческие универсалии. Далее по тексту номер перевода будет обозначен следующим образом: П1 (перевод № 1), П2 (перевод № 2) и т.д.

I. Экспликация

Экспликационная гипотеза подтверждена, в том числе с помощью количественных методов, в ряде работ на примере многих языковых пар, и считается одной из наиболее вероятных универсалий перевода. В результате анализа переводов были зафиксированы следующие закономерности (в примерах переводов экспликации подчёркнуты):

а) Введение дополнительных слов.

Gemüse übernimmt die Hauptrolle auf dem Teller und Fleisch wird zur Beilage werden, prophezeit Hanni Rützler.

П1. Ханни Рютцлер предсказывает, что овощи станут главным блюдом на тарелке, а мясо займёт место гарнира.

Frühstücken boomt.

П1. Завтраки снова в моде.

б) Применение эксплицирующих лексем. Дискурсивные детализирующие маркеры обеспечивают связность текста (*затем, следовательно, поэтому, если, чтобы*) и могут выполнять функции ограничения (*хотя, по крайней мере, разве/ разве только*), выделительного ограничения (*лишь, только*), уточнения (*именно, например, вернее, на самом деле*), противопоставления (*однако*), добавления (*причём, ещё*).

Gerade bei den neuen Berufen steckt es eher störend mitten im Arbeitsfluss.

П1. Это вредно посреди рабочего процесса, именно у новых профессий.

П2. Особенно это касается новых профессий, когда обед прерывает рабочий процесс.

П3. Особенно это касается новых профессий, если обед прерывает рабочий процесс.

П4. Такие изменения особенно связаны с современной трудовой деятельностью. Приёмы пицци могут мешать рабочему процессу.

Gemüse übernimmt die Hauptrolle auf dem Teller und Fleisch wird zur Beilage werden, prophezeit Hanni Rützler.

П1. Ханни Рютцлер прогнозирует, что овощи на наших тарелках будут в центре внимания, а мясо станет только их сопровождением.

П2. «Овощи станут основным блюдом, а мясо лишь гарниром», — прогнозирует Ханни Рютцлер.

Тексты примеров иллюстрируют, что переводчик может добавлять в текст перевода как отдельные слова, так и целые предложения либо парцелированные сегменты. За счёт этого фиксируется увеличенная длина предложений, чем в текстах, изначально написанных на русском языке.

в) Наличие избыточных контрастивных маркеров (*напротив, впрочем, наоборот, однако*):

Gemüse übernimmt die Hauptrolle auf dem Teller und Fleisch wird zur Beilage werden, prophezeit Hanni Rützler.

П3. «Овощи станут основным блюдом, а мясо — наоборот гарниром», — прогнозирует Ханни Рютцлер.

г) Активное использование относительных местоимений *кто, который, когда, что, если*.

Die Struktur all unserer Mahlzeiten, die im landwirtschaftlichen Zeitalter entstanden ist und das industrielle überlebt hat, wird seit der Jahrtausendwende neu verhandelt.

П1. Структура всех наших трапез, которые возникли в сельскохозяйственном веке и пережили индустриальный, пересматривается с нового тысячелетия.

П2. Структура нашего приёма пищи, которая сложилась с переходом на оседлый образ жизни тысячи лет назад и пережила индустриальную революцию, понимается в новом тысячелетии совсем иначе. В данном примере произошла метонимическая замена семантического сегмента «сельскохозяйственная эпоха» на «оседлый образ жизни».

П3. Структура всех наших приёмов пищи, которые возникли в сельскохозяйственный век и пережили индустриальный, была пересмотрена с начала тысячелетия. Наряду с введением эксплицитной лексики «который» в этом примере можно отметить неграмматичность, выраженную в неверном согласовании числа подлежащего и относительного местоимения (*структура, которые возникли*). Это может препятствовать пониманию смысла.

д) Изменение временной категории — в примере ниже зафиксировано добавление грамматической категории «будущности». Данную тенденцию мы не вносим в перечень переводческих универса-

лий, поскольку добавление временных смыслов, не отражённых в тексте оригинала, является фактологической ошибкой.

Frühstücken boomt.

П1. Произойдёт стремительный рост популярности завтраков.

П2. Завтраки войдут в моду.

Согласно опросу авторов перевода, эксплицирующие элементы были добавлены для облегчения процесса интерпретации читателя и исключительно в том объёме, который, на их взгляд, достаточен для достижения когерентности. Таким образом, эксплицирование как процесс можно рассматривать в качестве неизбежной составляющей ситуации перевода.

II. Симплификация

Анализ корпуса переводов фиксирует:

а) Опускание некоторых сем / слов.

Gerade bei den neuen Berufen steckt es eher störend mitten im Arbeitsfluss.

П1. В новом ритме жизни это совсем неудобно — опускание сем «в процессе еды», «профессия» и замена слова на лексему с менее выраженной степенью интенсивности («неудобный» вместо «мешающий») искажает содержание.

Die Struktur all unserer Mahlzeiten, die im landwirtschaftlichen Zeitalter entstanden ist und das industrielle überlebt hat, wird seit der Jahrtausendwende neu verhandelt.

П1. Состав всех наших блюд, сложившийся в эпоху сельского хозяйства, переживает новые изменения — опускание уточняющей информации «пережившая век индустриализации». В данном случае переводчик достаточно вольно интерпретирует информацию с точки зрения степени её важности для читателя, выпуская часть сложносочинённого предложения.

Такие примеры могут иллюстрировать тенденцию к уменьшению длины предложения. Хотя, ради справедливости стоит отметить, что количество таких примеров гораздо меньше, чем примеров, иллюстрирующих обратную тенденцию — экспликацию.

б) Более низкий показатель лексического разнообразия и лексической плотности. Подсчёт процентного соотношения количества употреблений более частотных словоформ к количеству употреблений менее частотных в тексте показал, что в студенческих переводных текстах вокабуляр беднее, чем в текстах, изначально написанных на переводящем языке. Высокочастотными леммами охвачен больший процент текста.

Анализ материала исследования подтверждает более низкий показатель лексической плотности, то есть процентное соотношение словоупотреблений, выраженных знаменательными частями речи, к словоупотреблениям, выраженным служебными частями речи ниже, чем в непереводном тексте. Соотношение словоупотреблений, выраженных знаменательными частями речи к объёму корпуса, составило 72% (в непереводном тексте) / 69% (в переводном тексте).

III. Нормализация

Группа примеров, которые представляют случаи нормализации в студенческих переводах, не представительна. Студенты редко прибегают к структурным изменениям в процессе подбора эквивалентов.

Die Food-Trendexpertin ist sicher: Essen ist der neue Pop.

Эксперт по продовольственным тенденциям уверен: еда — это новый тренд.

Нормализация заключается в отказе от суффикса женского рода -in в слове *Trendexpertin*, поскольку в таком случае лексема «эксперта» приобрела бы сниженный стилистический регистр. Упомянутое в тексте женское имя эксперта снимает необходимость эксплицировать род существительного при переводе.

Die Struktur all unserer Mahlzeiten, die im landwirtschaftlichen Zeitalter entstanden ist und das industrielle überlebt hat, wird seit der Jahrtausendwende neu verhandelt.

П1. *Зародившаяся ещё в веке сельского хозяйства и пережившая век индустриализации структура всех наших приёмов пищи спустя тысячелетия была пересмотрена.* Данный вариант перевода показывает, что можно обойтись без активного использования относительного местоимения «который».

IV. Интерференция

В результате анализа студенческих переводов было зафиксировано злоупотребление буквальных переносов особенностей текста оригинала в текст перевода:

Frühstücken boomt.

П1. *Завтраки процветают.*

П2. *Завтраки стремительно развиваются.*

Не изменяя структуру исходящего текста, переводчик заменяет её в переводящем языке на подобную синтаксическую конструкцию, что приводит к нарушению семантических коллокаций и, как результат, к непониманию текста. Данный перевод является приме-

ром отрицательной грамматической интерференции и объясняется недостатком опыта студентов.

Gemüse übernimmt die Hauptrolle auf dem Teller und Fleisch wird zur Beilage werden, prophezeit Hanni Rützler.

П1. Овощи занимают основное место в тарелке, а мясо станет гарниром, прогнозирует Ханни Рютцлер.

П2. Ханни Рютцлер прогнозирует, что овощи на наших тарелках будут в центре внимания, а мясо станет лишь их сопровождением.

Исходя из контекста лексической единицы «Teller» не может быть дан перевод «тарелка». В статье о правильном питании становится очевидным, что здесь речь идет не о тарелке, как предмете, а об изменённом рационе современного человека, о том, что овощи в скором будущем составят основу нашего питания.

Таким образом, на примере языковой пары русский-немецкий подтверждается тезис о том, что, несмотря на существенную зависимость свойств перевода от языка оригинала, все переводные тексты разделяют свою противопоставленность не-переводам за счёт реализации таких потенциально универсальных тенденций, как экспликация, симплификация, нормализация, интерференция.

В результате сравнительного анализа свойств подкорпуса переводов и подкорпуса текстов, изначально написанных на русском языке, выявлены некоторые индикаторы переводного русскоязычного дискурса на текстовом и лексическом уровнях:

Текстовые индикаторы:

- большая длина предложений за счет экспликаций;
- редкое перефразирование текста оригинала;
- некоммуникативный порядок слов;
- неграмматичность;

Лексические индикаторы:

- более низкий показатель лексического разнообразия;
- меньшая лексическая плотность;
- повтор частотных слов;
- наличие эксплицирующих лексем связности текста (*затем, следовательно, поэтому, если, чтобы*);
- наличие эксплицирующих лексем ограничения (*хотя, по крайней мере, разве/ разве только*);
- наличие эксплицирующих лексем выделительного ограничения (*лишь, только*);
- наличие эксплицирующих лексем уточнения (*именно, например, вернее, на самом деле*);

- наличие эксплицирующих лексем противопоставления (*однако, напротив, впрочем, наоборот*);
- наличие эксплицирующих лексем добавления (*причём, ещё*);
- чрезмерное использование относительных местоимений (*кто, который, когда, что*).

Потенциал прикладного использования результатов наблюдений в дидактическом аспекте состоит в повышении осведомлённости студентов об особенностях речевого поведения переводчика на разных этапах формирования профессиональной компетенции. То есть мы можем не только изучать когнитивные особенности переводческого процесса, но и дать обучающимся представление о профессиональной норме и качестве перевода. С точки зрения теоретической значимости дальнейшие разработки смогут внести вклад в развитие теории переводческих универсалий для языковой пары русский-немецкий.

Список литературы

Алексейцева Т.А. Экспликация как способ преодоления межъязыковой и межкультурной асимметрии в переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20. СПб., 2009. 23 с.

Гарбовский Н.К. Перевод и «переводной дискурс» // Вестник Московского университета. 2011. № 4. Серия 22. Теория перевода. С. 3–19.

Гарбовский Н.К. Русский переводной дискурс: миф или реальность // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Язык и культура в зеркале перевода», 25–29 апреля 2012 г. М. С. 130–136.

Кошкин Р.К. Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе (на материале военно-технических переводов с русского языка на английский): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2006. 233 с.

Краснопеева Е.С. Лексические особенности русскоязычного переводного дискурса: корпусное сравнительно-сопоставительное исследование на материале современной художественной прозы: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Тюмень, 2016. 23 с.

Краснопеева Е.С. О тенденциях интерференции и нормализации в переводе (корпусное исследование на материале русскоязычного переводного дискурса) // Вестник Череповецкого государственного университета 2015. № 7. С. 45–48.

Куниловская М.А. Перспективы исследования лингвистических признаков русскоязычного переводного дискурса / М.А. Куниловская, Т.А. Ильющеня, М.А. Ковязина // NRPУ Linguistics and Pedagogy Bulletin. № 2. 2017. С. 17–27.

Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009. 195 с.

Леонтьева К.И. Дискурсивная онтология перевода: к обоснованию статуса // Вестник Тверск. ун-та. 2012. № 10. Сер. Филология Вып. 2. С. 78–85.

Alekseyenko N.V. (2013) A corpus-based study of theme and thematic progression in English and Russian non-translated texts and in Russian translated texts. Doctoral thesis. Kent State University.

Baker M. (1993) Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications // Text and Technology: In honour of John Sinclair. Vol. 64, pp. 233–250.

Blum-Kulka S. (1986) Shifts of Cohesion and Coherence in Translation. J. House, S. Blum-Kulka (eds) // Interlingual and Intercultural Communication. Discourse and Cognition in Translation and Second Language Acquisition. Tübingen: Narr, pp. 17–35.

Fabricius-Hansen C. (2002) Explizitheit und Präzision als Dimensionen der Kohärenz: Einige Konnektoren im Übersetzungsvergleich (Deutsch-Englisch-Norwegisch). Lecture given at the Sonderforschungsbereich 538 „Mehrsprachigkeit“. Hamburg.

Hansen-Schirra S. (2007) Cohesive Explicitness and Explication in an English-German Translation Corpus / S. Hansen-Schirra, S. Neumann, E. Steiner. Languages in Contrast. No. 7 [2], pp. 241–265.

House J. (2008) Beyond Intervention: Universals in Translation? // Transkom. No. 1 [1], pp. 6–19.

Ilisei I. (2010) Identification of translationese: A machine learning approach / I. Ilisei, D. Inkpen, G. Pastor, R. Mitkov. CICLing 2010: Computational Linguistics and Intelligent Text Processing. Heidelberg: Springer, pp. 503–511.

Kajzer-Wietrzny M. (2013) Idiosyncratic features of interpreting style. New Voices in translation studies. pp. 38–52.

Kattenbusch D. (1993) Interferenzbedingte Normverstöße beim Übersetzen in die Fremdsprache. Varietas delectat. R. Bauer, H. Fröhlich, D. Kattenbusch (Hg.). Vermischte Beiträge zu Lust an romanischer Dialektologie. Wilhelmsfeld: Egert, pp. 91–107.

Kenny D. (2001) Lexis and creativity in translation: a corpus-based study. Manchester: St. Jerome Publishing.

Kutuzov A. (2014) Russian learner translator corpus: design, research potential and applications / A. Kutuzov, M. Kunilovskaya // International Conference on Text, Speech, and Dialogue. Springer International Publishing, pp. 315–323.

Laviosa S. (1998) Core Patterns of Lexical Use in a Comparable Corpus of English Narrative Prose. The Corpus-Based Approach. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal. Vol. 43, pp. 557–570.

Laviosa-Braithwaite S. (1998) Universals of Translation. Routledge Encyclopedia of Translation. London: Routledge, pp. 288–291.

Mauranen A. (2004) Corpora, universals and interference. Translation universals: Do they exist? Amsterdam: J. Benjamins, pp. 65–82.

Pallier C. (2001) The influence of native-language phonology on lexical access: exemplar-based versus abstract lexical entries. C. Pallier, A. Colomé, N. Sebastián-Gallés. Psychological Science. No. 12 (6), pp. 445–449.

Rayson P. (2008) Quantitative analysis of translation revision: contrastive corpus research on native English and Chinese translationese. P. Rayson, X. Xu, J. Xiao, A. Wong, Q. Yuan. Paper presented at XVIII FIT World Congress, Shanghai, China. 10 p.

Toury G. (2001) Probabilistic Explanations in Translation Studies: Universals — Or a Challenge to the Very Concept? Paper given at the 3rd EST Congress on Translation Studies. Copenhagen.

References

Alekseyenko N. V. (2013) A Corpus-based Study of Theme and Thematic Progression in English and Russian Non-translated Texts and in Russian Translated Texts. Doctoral thesis. Kent State University.

Alekseytseva T. A. (2009) Eksplikatsiya kak sposob preodoleniya mezhyazykovoy i mezhkul'turnoy asimmetrii v perevode: autoref. dis. ... Cand. philol. Sciences — Explication as a Way to Overcome Cross-linguistic and Cross-Cultural Asymmetry in Translation: PhD Thesis Summary. February 10.20. St. Petersburg. 23 p. (In Russian).

Baker M. (1993) Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications. *Text and Technology: In honour of John Sinclair*. Vol. 64, pp. 233–250.

Blum-Kulka S. (1986) Shifts of Cohesion and Coherence in Translation / J. House, S. Blum-Kulka (eds). *Interlingual and Intercultural Communication. Discourse and Cognition in Translation and Second Language Acquisition*. Tübingen: Narr, pp. 17–35.

Fabricius-Hansen C. (2002) Explizitheit und Präzision als Dimensionen der Kohärenz: Einige Konnektoren im Übersetzungsvergleich (Deutsch-Englisch-Norwegisch). Lecture given at the Sonderforschungsbereich 538 „Mehrsprachigkeit“. Hamburg.

Garbovskiy N. K. (2011) Perevod i perevodnoy diskurs — Translation and Translation Discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 22. Teoriya perevoda. No. 4, pp. 3–19 (In Russian).

Garbovskiy N. K. (2012) Russkiy perevodnoy diskurs: mif ili real'nost' — Russian Translation Discourse: Myth or Reality. Russian Language and Culture in the Mirror of Translation: Materials of the III International. scientific-practical conf. “Language and Culture in the Mirror of Translation”, April 25–29, 2012. Moscow, pp. 130–136 (In Russian).

Hansen-Schirra S. (2007) Cohesive Explicitness and Explication in an English-German Translation Corpus. S. Hansen-Schirra, S. Neumann, E. Steiner. *Languages in Contrast*. No. 7 (2), pp. 241–265.

House J. (2008) Beyond Intervention: Universals in Translation? *Trans-kom*. No. 1 (1), pp. 6–19.

Ilisei I. (2010) Identification of translationese: A machine learning approach. I. Ilisei, D. Inkpen, G. Pastor, R. Mitkov. *CICLing 2010: Computational Linguistics and Intelligent Text Processing*. Heidelberg: Springer, pp. 503–511.

Kajzer-Wietrzny M. (2013) Idiosyncratic features of interpreting style. *New Voices in translation studies*, pp. 38–52.

Kattenbusch D. (1993) Interferenzbedingte Normverstöße beim Übersetzen in die Fremdsprache. *Varietas delectat* / R. Bauer, H. Fröhlich, D. Kattenbusch (Hg.). Vermischte Beiträge zu Lust an romanischer Dialektologie. Wilhelmsfeld: Egert, pp. 91–107.

Kenny D. (2001) *Lexis and creativity in translation: a corpus-based study*. Manchester: St. Jerome Publishing.

Koshkin R.K. (2006) Osobennosti normativnoy devitsii v perevodnom diskurse (na materiale voenno-tekhnicheskikh perevodov s russkogo yazyka na angliyskiy): dis. ... kand. filol. nauk. — Features of Normative Deviation in Translation Discourse (Based on Military-Technical Translations from Russian into English): PhD Thesis: February 10.20. Moscow. 233 p. (In Russian).

Krasnopeeveva E.S. (2016) Leksicheskie osobennosti russkoyazychnogo perevodnogo diskursa: korpusnoe sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie na materiale sovremennoy khudozhestvennoy prozy: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. — Lexical Features of the Russian-Language Translation Discourse: A Corpus Comparative-Comparative Study Based on the Material of Modern Fiction: PhD Thesis Summary: February 10.20. Tyumen'. 23 p. (In Russian).

Krasnopeeveva E.S. (2015) O tendentsiyakh interferentsii i normalizatsii v perevode (korpusnoe issledovanie na materiale russkoyazychnogo perevodnogo diskursa) — On the Trends of Interference and Normalization in Translation (Corpus Study Based on the Material of the Russian-Language Translation Discourse). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7, pp. 45–48. (In Russian).

Kunilovskaya M.A. (2017) Perspektivy issledovaniya lingvisticheskikh priznakov russkoyazychnogo perevodnogo diskursa. — Prospects for the Study of Linguistic Features of the Russian-Language Translation Discourse. M.A. Kunilovskaya, T.A. Il'yushchenya, M.A. Kovyazina. *NRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. No. 2, pp. 17–27. (In Russian).

Kushnina L.V. (2009) Teoriya garmonizatsii: opyt kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva. [Harmonization Theory: Experience of Cognitive Analysis of Translation Space]. Perm': Izd-vo PGTU. 195 p. (In Russian).

Kutuzov A. (2014) Russian learner translator corpus: design, research potential and applications. A. Kutuzov, M. Kunilovskaya. *International Conference on Text, Speech, and Dialogue*. Springer International Publishing, pp. 315–323.

Laviosa S. (1998) Core Patterns of Lexical Use in a Comparable Corpus of English Narrative Prose. *The Corpus-Based Approach*. Montréal: Les Presses de L'Université de Montréal. Vol. 43, pp. 557–570.

Laviosa-Braithwaite S. (1998) Universals of Translation. *Routledge Encyclopedia of Translation*. London: Routledge, pp. 288–291.

Leont'eva K.I. (2012) Diskursivnaya ontologiya perevoda: k obosnovaniyu statusa. [Discursive Ontology of Translation: Towards Justification of Status]. *Vestnik Tversk. un-ta. Ser. Filologiya*. Vyp. 2. No. 10, pp. 78–85. (In Russian).

Mauranen A. (2004) Corpora, universals and interference. *Translation universals: Do they exist?* Amsterdam: J. Benjamins, pp. 65–82.

Pallier C. (2001) The influence of native-language phonology on lexical access: exemplar-based versus abstract lexical entries. *C. Pallier, A. Colomé, N. Sebastián-Gallés. Psychological Science*. No. 12 (6), pp. 445–449.

Rayson P. (2008) Quantitative analysis of translation revision: contrastive corpus research on native English and Chinese translationese / P. Rayson, X. Xu, J. Xiao, A. Wong, Q. Yuan. Paper presented at XVIII FIT World Congress, Shanghai, China. 10 p.

Toury G. (2001) Probabilistic Explanations in Translation Studies: Universals — Or a Challenge to the Very Concept? Paper given at the 3rd EST Congress on Translation Studies. Copenhagen.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кантышева Надежда Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Тюменский государственного университет, Тюмень, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1629-4205>

n.g.kantysheva@utmn.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Nadezhda G. Kantysheva — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of German Philology, Tyumen State University, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1629-4205>

n.g.kantysheva@utmn.ru

Конфликт интересов:

положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interest:

The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole.